

УДК 130.31

Е.Н. Кузьмина

**ИДЕЯ БЕЗУМИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ:
ПРИНЦИПЫ ИСТОЛКОВАНИЯ**

Рассматривается идея безумия как иной источник западноевропейской культуры и человека, существующий в языковой реальности. Анализируются практики субъективации, конституируемые отношением к безумию в культуре: упорядоченная, вертикально структурированная психоаналитическая субъективность и недифференцированная шизофреническая субъективность.

Ключевые слова: *безумие, субъективность, психоаналитическая субъективация, шизофреническая субъективация.*

*...взрослея, люди... слишком глубоки
и уже не способны ничего понимать.*

Ж. Делез. Логика смысла

Идея безумия стала играть важную роль в современном искусстве и философии: тема безумия становится опознавательным знаком модернистских исканий разгадки тайны сущности культуры и человека и переходит в наследство постнеклассическим идиомам современности. Если, вслед за М. Фуко, проследить топос безумия в культуре, высвечивается отношение западноевропейской культуры к феномену безумия: оно было отброшено на рубежи самой культуры, существовало в разрывах, лишалось права слова. Возможность истории западноевропейской культуры покоится на выборе между разумом и безумием. Поэтому безумие в западноевропейской культуре – исключенный язык, который существует вопреки языковому кодексу [1].

С XVII по XIX в. существовали следующие тактики исключения безумия: сначала оно маркировалось как ложь, заблуждение, которое преграждало путь к истине (разуму), поэтому его необходимо было изолировать – исключить из разумно устроенного пространства (общества), в дальнейшем его объявили дисфункцией самого разума и бессмыслицей, поместив в нейтральное пространство лечебниц. В этих тактиках просматривается общее: западноевропейская культура лишала безумие возможности говорить. Лишь в конце XIX столетия безумие «заговорило» устами В. Ван Гога, Ф. Ницше, А. Арто. Настоящее измерение системы безумия Фуко приписывает З. Фрейду: «Безумие возникло теперь как обволакивающее себя слово, говорящее – сверх того, что оно говорит, – что-то другое: то, единственным кодом чего может быть только оно само – вот он, если угодно, эзотерический язык, и основа его содержится внутри слова, которое, в конечном итоге, не говорит ничего другого, кроме этой взаимоподразумеваемости» [1. С. 209].

Фрейд вернул безумие к его истоку – пустоте, где существуют всевозможные смыслы. «Гениальное бессознательное» изначально в каждом человеке. Но безумие не отсылает нас к повседневности; это эзотерический язык, который замкнут на себя и существует только в своей речи. Речь в данном

случае является потоком слов из глубин бессознательного, где мысли, ощущения, внезапные ассоциации перебивают друг друга и причудливым образом переплетаются. Фрейд определяет для себя цель – связать поток речи с повседневной социальной реальностью, легитимировать безумие. Этот мотив стал определяющим для своеобразной практики субъективации – психоаналитической. Продолжением и развитием данной практики субъективации является шизофреническая. Данные практики субъективации получили свое название от методов, которые дают исследователю возможность «зафиксировать», вторично воспроизвести эти практики – психоанализ и шизоанализ. Фрейдистская субъективация формировалась на стыке классической и неклассической традиции философствования, делезовская, используя материал фрейдистской субъективации, уже оформляется в рамках постнеклассической традиции философствования.

Важно различать предмет исследования – в нашем случае стратегии субъективации – поле субъективации и методологию исследования поля субъективации. Поле субъективации в классическом психоанализе – бессознательное, саму практику субъективации мы обозначим термином «психоаналитическая». Поле субъективации в делезовской концепции – бессознательное («дикий опыт»), стратегия – «шизофреническая». Но важный момент: выстроить – что в нашем случае равнозначно термину «зафиксировать» – стратегию субъективации возможно только через методологию исследования поля становления субъективации. Это значит, что способ изучения поля субъективации непосредственно формирует и саму стратегию субъективации. Методология исследования поля – язык как пространство существования в данном случае безумия. Субъективации нет, пока не пройден путь исследования. Поэтому можно услышать возражения, что шизофреническая субъективация не решает проблему утраты субъективности, которая в ней так же, как и в психоаналитической субъективации, выстраивается из «вне», исследователем. И создается впечатление, что если фрейдистская концепция выстраивает субъект усилиями психоаналитика (интерпретация), то и делезовская концепция не привносит ничего нового в развитие проблемы и развертывается в данной традиции субъекта. Но это только на первый взгляд. В психоанализе работа психоаналитика сводится к роли *Alter ego*, функции его заключаются во «вписании» субъекта в стратегию субъективации усилиями аналитика. Клиент предоставляет поле субъективации, вся работа по формированию субъективности прodelывается аналитиком и заключается в «наложении» психоаналитической структуры на конкретный материал: психоаналитик как внешняя сила «штампует» субъектов по схеме психоаналитической субъективации, варьируя в пространстве личной истории и переставляя значимые для концептуального пространства фигуры, как на шахматной доске. В шизофренической же субъективации процесс формирования субъективности отдан в руки самого человека, и истоком ее является желание. Человек желающий в концепции Делеза, можно сказать, «сращивает» в себе позиции исследователя и индивида, проходящего процесс субъективации.

И еще: психоаналитическая субъективация – это процесс формирования субъекта, который может длиться всю жизнь (вследствие обширности поля субъективации, сопротивления, которое оказывает индивид сознательно или

неосознанно, и еще ряда факторов, относящихся как к особенностям фрейдистской концепции, так и к ее распространению в культуре), но это «единичное становление», т.е. субъект как результат данной субъективации статичен, невариативен (у него одна история, одни и те же фигуры играют в пространстве его субъективации). Шизофреническая субъективация представляет собой беспредельное становление или «чистое становление» – процесс оспаривания личной самоидентичности, потеря собственного имени, но возможность вариативности, проживания разных жизней.

Психоаналитическая методология развивалась, исходя из стремления сформировать психоанализ в качестве науки. Поэтому психоаналитическая субъективация построена по «научному принципу». Данное своеобразие невозможно зафиксировать вне контекста исторических условий возникновения психоанализа. Фрейд открывает бессознательное как глубинный источник человеческой сущности. Но выясняется, что бессознательное – слишком беспредельная область, в которой неизвестно, как работать. Интеллектуальная атмосфера второй половины XIX в. была пропитана «антиметафизической установкой»¹. Психические заболевания находились в ведомстве медицины. Именно поэтому Фрейд пытался разработать научный подход к хаосу бессознательного. Всякая наука подходит к хаосу таким образом, что «отказывается от бесконечности, от бесконечной скорости, чтобы добиться референции, способной актуализировать виртуальное» [3. С. 136]. Следуя требованиям времени, Фрейд разрабатывает психоанализ как своеобразную попытку совмещения клинической медицины как «опытной» науки и философского учения о сознании. Но главное требование позитивистской науки заключается в отказе от дуализма «душа – тело». Понятие сознания трактуется не как обозначение особой субстанции, а как свойство материального субстрата. Фрейд акцентирует внимание на зависимости социальных явлений от биологических, что выражается у него в терминах «энергия», «инстинкт» (широко используемых как в социальных, так и в естественных науках). Это дань мировоззрению эпохи, в котором господствовало представление о материальном, природном, естественном субстрате процессов в индивидуальном человеческом существе. Однако был компрометирующий момент в психоанализе, а именно: вывод Фрейда о существовании психических заболеваний, не вызванных органической патологией нервной системы, выглядел как «метафизическая реставрация». Необходимо было выявление причин психических расстройств в витальной области. Исторически на эту роль подходила открытая (легитимированная) незадолго до этого сексуальность по нескольким причинам: во-первых, сексуальные темы были любимым сюжетом духовной культуры того времени, во-вторых, как отмечал Фрейд, в сексуальности наглядно совмещалось «психическое» и «соматическое». Таким образом, Фрейд нашел вполне ограниченную социальными нормами, но легитимную область, к которой можно было свести всю беспредельность бессознательного.

Беспредельное поле субъективации – бессознательное – прочитывалось сквозь призму сексуальности: Фрейд выбрал язык, на котором предпола-

¹ Сам Фрейд довольно часто опровергал предположения о влиянии на формирование психоанализа философских концепций [2].

лось «слушать» бессознательное и управлять им в целях формирования целостной личности. О-пределение области бессознательного через сведение к сексуальности гарантировало постоянство знания и наличие собственного Я. Структура Я является центрирующей для субъективности и поддерживает постоянную связь всех слоев личности, выстраивая однонаправленную линию от истока – бессознательного – к концептуально выстроенному сознанию.

Словарь этого языка достаточно обширен, но предоставляет возможность только линейного структурирования субъективации (в отличие от ризомного, недифференцированного структурирования шизоидной субъективации). Фрейдистская концепция выстраивается вертикально – от «вершины» к «истоку», в «глубину» – в виде трехчастной структуры. «Сверх-Я», социальная реальность, язык (в структуралистском толковании) – структура, которая задает все смыслы и ориентиры субъективации.

Методология психоанализа полностью базируется на языковой реальности бессознательного: метод свободных ассоциаций (поток речи) рассматривается как способ бытия бессознательного. Для фиксации бессознательного через язык Фрейд использует теории репрезентации. Все слова должны иметь референты – реальные предметы и явления, имеющие место во внеязыковой действительности. Задача психоаналитика – найти референты для слов, извлеченных из бессознательного, этот процесс считается эффективным психоанализом и рассматривается нами как практика субъективации. Определив все беспокоящие мысли клиента, найдя их референты, психоаналитик реорганизует структуру личности и выстраивает линейно существующего субъекта. Свою основную задачу психоаналитик осуществляет с помощью метода интерпретации. Интерпретации в психоанализе – это перевод важной значимой информации о человеке с бессознательного уровня на сознательный: осуществляется перевод потока речи на термины языка, где все значения фиксированы и читаемы друг через друга. Таким образом, происходит (насколько это возможно) упорядочивание личности через проникновение языка в сферу животного в человеке.

Изначально фрейдистская концепция имела гораздо больший потенциал субъективности, но дань господствовавшей в культуре позитивистской моде сузила ее возможности. Фрейд открывает иное – неразумное, безумное – начало в человеке как его источник и потенциал для становления, беспредельную сферу, открывающую бесконечную вариацию возможностей субъективации, но «сворачивает», загоняет эту беспредельность в рамки уже известного мира, уже существующих явлений – легитимного языка. Предмет психоанализа относится к неклассической традиции, но методология исследования – сугубо классическая¹. Фрейд подходит к безумию характерным для новоевропейской культуры образом: открыв хаотичное состояние в человеке как его изначальность, он не дает ему осуществляться, а пытается привести его к уже известной и легитимной форме. Психоаналитическая субъективность выглядит точно так же, как и классическая (например, декартовская),

¹ Мы соотносим методологию Фрейда со структуриализмом, рассматривая последний как программу реабилитации классической рациональности.

но с одним уточнением: в XVII–XVIII вв. требование выстраивать в человеке линейную субъективность рассматривалось как закон, отклонение от выполнения которого регулировалось нормативно-правовыми актами, в XIX–XX вв. нелинейность, недифференцированность субъективности рассматривались как дисфункция вследствие неудачной социализации. Для Фрейда безумие, как и для его предшественников-классиков, – непокоренная бездна, грозящая разрушить установленный порядок. И Фрейд по-прежнему ведет борьбу за человека: невозможно отпустить человека блуждать в пространство природы, инстинктов, потерять его для культуры. Таким образом, психоанализ – это своеобразная тактика «обуздания» безумия, а психоаналитическая субъективация – победа в битве между разумом и безумием за человека. Безумие как гул оснований выходит на театральные подмостки общества только после прохождения процедуры легитимации в кабинете психоаналитика и в «костюме» психоаналитической субъективности: ему разрешено «явить» свое лицо в кабинете психоаналитика, далее получить печать «одобрено», пройдя процесс облагораживания путем придания абсурдным высказываниям осмысленности через поиски референтов и значений словам (не менее года, от трех до шести сеансов в неделю), и подписать договор о соблюдении сценаристской и режиссерской версии своей роли.

Психоаналитическая субъективация – это искусство глубины и высоты; трудоемкая работа, требующая взаимной ответственности психоаналитика и человека. Психоаналитик выступает здесь в роли рыбака, забрасывающего невод в глубины бессознательного. Все, что попадет в сеть, обретет свое место: это и есть эффективная работа аналитика. Как можно большая толща бессознательного должна быть просканирована и упорядочена. Сам язык здесь выступает и в качестве социальной реальности, и в качестве метода упорядочивания бессознательного. Согласно представлениям Фрейда, язык как структура (в сосюрловском значении) является единственным вариантом легитимации безумия – спонтанной речи, неконтролируемых ассоциаций, инстинктов и желаний, вырывающихся из глубин бессознательного, что и осуществляется в психоаналитической субъективации. Человека нельзя оставить неорганизованным, беспорядочным, инстинктивно существующим «животным»: стремление к легитимированному культурой идеалу инвестирует большинство практик субъективации. Психоаналитическая субъективация не исключение: она развивается в лучших традициях просветительской литературы¹. При этом и человек понимается прогрессистски: с течением истории его внутренний мир становился все богаче, глубина в человеке заиграла всеми красками. Чем человек глубже, тем он достойнее, тем больше у него шансов стать высокоморальной личностью. Поэтому, например, у Юнга бессознательное начинает отождествляться с историей человечества. Но сценой, на которой разыгрывается вся трагедия человечества, по-прежнему может быть только семейный театр с центральными фигурами-учредителями – Отцом, Матерью. Человек здесь существо изначально трагичное: из мрака бессознательного, животной природы и умопомешательства он должен возвыситься

¹ Литература в данном случае понимается достаточно широко: это и романы воспитательного характера, и философско-этические трактаты.

до личности. И обоснование этот крестовый поход (с освящения и под руководством психоаналитиков) в эпоху утраты религиозных авторитетов и гуманизма получает следующее: «Мы не должны возвышать себя до такой степени, чтобы не обращать никакого внимания на животное начало нашей природы, и мы не должны забывать, что счастье каждого отдельного индивидуума также должно входить в цели нашей культуры» [4. С. 381].

В делезовской концепции понятие глубины девальвируется. Мотив данной практики субъективации – дать случиться безумию. Достигается данная субъективность в процессе утраты личной самоидентичности. Методологически Делез вводит понятие «чистого становления» через язык событий. Глубина человеческой личности задается тождеством Я, Бога и мира, которое необходимо разрушить. Безумие есть «бракосочетание между языком и бессознательным» [5. С. 11], возникающее при личной неопределенности. Если психоаналитическая субъективация является выстраиванием целостного мира, источник которого «подземное царство» бессознательного, то шизофреническая субъективация строится по принципу инверсии, в которой различие внутреннего и внешнего исчезает, и вместо строгой, вертикально заданной структуры личности мы получаем «поверхностные эффекты» – события.

Личная неопределенность – момент, в который «рождается», выходит на поверхность бессознательное. Субъективация формируется на стыке Внешнего и Внутреннего и является набором событий, которых может быть бесконечное множество. События бестелесны, нематериальны, не являются конкретным положением вещей и существуют только в языке в виде глаголов (не существительных и прилагательных, которые всегда задают определенность). Методология делезовской субъективации так же, как и фрейдистской, выстраивается на истолковании пары «язык – речь». В отличие от Фрейда, который, как мы показали выше, использует соссюровскую концепцию языка с включениями теории репрезентации, Делез опирается на постструктуралистское понимание языка: в процессе конкретного использования языка создается, воспроизводится и изменяется его структура. Конкретные речевые акты подвергают язык испытаниям, он теряет свою стерильность и бесконечность. Так в порядке речи человек выстраивает свою личную историю, обретает идентичность: «...здесь Я первично по отношению к понятиям – а значит, и по отношению к миру и Богу» [5. С. 30]. Все «действия» в шизофренической субъективации переносятся в плоскость языка. Делез не исследует «человеческую реальность», социальные роли, идентификацию человека. Его интересуется то, что происходит в порядке языка. Речь, подчиненная разуму (Я, заданное инстанцией *Cogito*), управляется принципом тождества, с помощью которого все «обнаруживается» в качестве того же самого, «фиксируется» в пространстве, «закрепляется» за определенной территорией или, по-другому, идентифицируется. Безумцем не управляет никакой высший принцип, это субъект-кочевник, осваивающий всю предоставленную ему территорию-поверхность по хаотическим траекториям, постоянно утрачивающий личную идентичность.

Психоаналитическая концепция имеет дело с фигурами и объектами, которые сохранены в памяти. Субъективность является пространством, способным их возобновлять, сохранять, признавать, удостоверять. Шизоанализ рас-

сматривает смещения карт субъективности. Шизофреническая практика субъективации – это маршруты и эффекты становления. В психоанализе бессознательное монументализировано. В шизоанализе бессознательное – это мобилизация. Структура психоаналитической субъективации – пирамидальная конструкция с центральным залом в самом низу пирамиды. Бессознательное здесь развивается путем метаморфоз, превращений разного опыта в один и тот же. Шизофреническая субъективация – более динамичная модель бессознательного, развивающаяся по всемирно-историческим траекториям. Это дрейфующие континенты, мигрирующие народы – все то, чем бессознательное картографирует вселенную в целом [6. С. 89–91].

Литература

1. Фуко М. Безумие, отсутствие творения // Фигуры Танатоса: Искусство умирания: Сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
2. Фрейд З. Очерк истории психоанализа. Одесса, 1919.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009.
4. Фрейд З. О психоанализе // Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений. М.: Просвещение, 1989.
5. Делез Ж. Логика смысла. М.: Изд. центр «Академия», 1995.
6. Делез Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002.